

Так чисто небо — всех небес небесней, —
Что хлынуть хочется слезам из глаз!
Оно мне кажется прекрасной песней,
Пропетою для мира в первый раз!

Я чувствую, на небо глядя, робость,
Молчу, как будто все мои слова,
Сорвавшись с турьих троп, низверглись в пропасть,
Как будто с речью я не знал родства.

Иду я по Хуламскому ущелью,
Иду, как будто должен по камням
Поспеть одновременно к новоселью,
К веселой свадьбе и к похоронам.

Иду среди белых скал и среди развалин
Домов, старинных башен крепостных.
Вид очагов погасших так печален,
А ведь они пылали для живых.

Жестокость, что вела борьбу со светом,
Водю мертвой залила огонь...
Мой стих, когда не скажешь ты об этом,
Погибни, в бездну упади, как конь!

Гляди, не бойся. Эти камни стали
От горя черными на всем пути.
Молчат, как будто от беды устали
И слово трудно им произнести.

А ты не камень. Плачь же! На колени
Стань пред камнями! Зарыдай в золе!

Пусть никогда разрушенных селений
Ничьи глаза не видят на земле!

Разрушенные сакли — как могилы.
Судьба, как жестока ты к нам была,
Как била по зубам! О, день постылый,
Полуразвалин горькая зола!

Пойди узнай, под чьими небесами
Глаза навек закрыли мастера,
Что дерево и камень здесь тесали
Для каждого жилища и двора.
— Белеют нового аула зданья.
Что ж у развалин плачешь ты, поэт?
— Не возвратиться мертвым из изгнания,
Не исцелиться ранам прежних лет!

Упал я на колени пред камнями
И горько плачу о недавнем зле.
Нет, не бывать жестокости над нами!
Пусть ей жилья не будет на земле!

1962